Глава 24.

Оливер Тюдор был человеком, который с первого взгляда казался строгим.

Он убрал все свои блестящие черные волосы назад, чтобы обнажить прямой лоб, а в высококачественном костюме, который сидел на его теле, не было даже мелких складок. У него не было никакого выражения.

Эдрик никогда не видел такого мужчину в деревне или в особняке.

То, что ему предстоит провести с этим незнакомым и неудобным мужчиной в будущем больше полутора суток, было тяжелым и подавляющим.

Но, поскольку это было его решение, он поклялся себе, что выдержит.

«Есть кое-что, что молодой господин должен сделать в первую очередь»

Оливер молча аккуратно развернул листок и положил его на стол Эдрика.

«Вы должны прочитать это и записать значение»

Эдрик посмотрел на бумагу.

Но вскоре выражение его лица стало жестче.

Буквы, нарисованные черным цветом на белой бумаге, представляли собой простые последовательности слов. Вещи, которые без проблем решают даже дети, даже если они простолюдины.

Но он не мог это распознать, потому что не знал даже самых простых основ.

Даже если бы он посвятил этому всю свою жизнь, это было похоже на код, который он не мог бы разгадать самостоятельно.

‘….’

Он посмотрел на бумагу смущенным взглядом, и Оливер намекнул, что справа была перьевая ручка.

С самого первого дня он ничего не мог сделать, поэтому Эдрик взял перьевую ручку в руку.

Оливер поднял брови - в этом неуклюжем и нелепом жесте, он как будто держал вилку.

Однако Эдрик, который боролся с чистым листом, не видел его.

Он попробовал худо-бедно коснуться перьевой ручкой бумаги, но чернила вытекли и появились черные пятна.

Не в силах больше смотреть на это, Оливер шагнул вперед и взял листок.

Проблеск эмоций отразился в глазах Оливера.

Они были знакомы Эдрику.

Это было презрение и пренебрежение.

«Давайте сначала выучим правописание»

‘Древняя каменная плита… Я смогу прочитать ее только после того, как выучу это’

Это сложно, но он сможет пройти этот этап. Поэтому он был полон решимости.

Оливер придерживался несколько деловитого настроя и научил Эдрика правильному правописанию.

Однако он не мог легко уложить это в голове, потому что нервничал больше, чем обычно.

«Вы знаете?» - тон, который, казалось, спорил в конце каждого слова, делал его разум еще более окоченевшим.

После мучительного времени наконец настало 4 часа, конец урока.

Оливер посмотрел на свои наручные часы и коротко попрощался. Все, что у него осталось, это напряжение и стопка бумаги с ошибками.

Вскоре перед ним раздался нежный голос.

«…Он ушел, да?»

Когда из-за декоративной колоны выскочило знакомое лицо, стало легче дышать.

Но это было ненадолго.

Он так нервничал, что забыл, что Ровель прячется в комнате.

Ему было невыносимо стыдно, когда он вспомнил, что тот все слышал и видел, что он вел себя как дурак.

Не раз, а дважды он был беспомощен перед ним.

Эдрик не мог нормально смотреть в лицо приближающемуся Ровелю, когда вытягивал ноги.

Он повернул голову к двери.

«Ты тоже иди»

«Да? Вы мне?»

«…»

«Я не спал, потому что хотел поговорить с молодым господином, поэтому я ждал позади…»

Ложь.

Он снова почувствовал себя не в своей тарелке.

Но, не подозревая об этом, Ровель притворился жалостливым.

«Вы обещали мне, что я могу остаться. Разве я не могу?»

Да? Дааа? Даааааа?? И даже делает вид, что плачет.

Подумав, что из-за шума он ничего не может с собой поделать, он вернул голову в исходное положение.

Затем его глаза встретились с глазами Ровеля.

Прежде чем он успел это осознать, Ровель уже улыбался, опершись подбородком на стол.

«Но молодой господин. Знаете ли вы имена людей, живущих раньше с вами по соседству? В

доме из красного кирпича»

Казалось, что у Ровеля был сообразительный мозг, в отличие от него самого, и что он даже выучил наизусть кирпичи в этой грязной деревне.

Этот факт ввергал Эдрика в депрессию, по крайней мере, сегодня, если не раньше.

Однако он кивнул, как будто ему было все равно.

Он не глуп, и, конечно, он не может не знать.

Они знали друг друга с рождения, видели лица друг друга и приветствовали друг друга.

«Я не знаю»

Ровель, бесстыдно ответивший, со смехом добавил:

«Сначала я всех не знаю. Откуда мне знать, что есть в деревне молодого господина и кто там живет? Это изменится только после того, как мне кто-то расскажет все»

«…»

«Итак, как их зовут? Молодой господин, пожалуйста, расскажите мне мягко и медленно. Первое, на что я обращаю внимание, если кто-то говорит быстро, поэтому я не могу сразу его понять»

Он знал, что это был собственный способ Ровеля утешить его.

Однако Эдрик так и не научился ни у кого, как реагировать на такое утешение.

Он говорил прямо, придавая силу своим словам налитыми кровью глазами.

«В доме были Питер и Лейк»

«Какие они были по сравнению с сельским старостой?»

«…Мне не нравится ни один из них»

Когда он пробормотал свои истинные чувства, сам того не осознавая, Ровель расхохотался

гораздо громче. Это был приятный звук, от которого даже слушатели почувствовали бы себя лучше.

Почему об этой грязной деревне так много вопросов?

Ровель, который уже некоторое время усиленно спрашивал о том и об этом, обратился к нему.

В сегодняшней письменной работе было несколько ошибок.

«Я тоже хочу это увидеть. Покажите мне ее»

Нет!

Действием, сильнее сотни слов, Эдрик быстро спрятал бумагу за спину. Он не хотел показывать работу, на которой была нарисована только красная диагональная линия.

Конечно, на Ровеля это не подействовало.

Слуга, не послушавшийся приказаний своего господина, он шел за его спиной проворными шагами и легко брал бумагу.

«Отдай мне! Отдай их мне!»

«Да, да. Вот, пожалуйста»

В одно мгновение Ровель, просмотрев все четыре листа бумаги, вернул их ему.

Он посмотрел на него с гневом, но Ровелю было все равно.

«Сейчас так много. Просто наклоните ее сюда. Когда вы используете ее таким образом, вы не услышите звука царапанья»

«…»

…Почему-то он не мог сосредоточиться даже больше, чем, когда там был Оливер. Его лицо горело, и он чувствовал свое дыхание.

Каким бы ни было состояние Эдрика, Ровель показал ему, как пользоваться перьевой ручкой.

Потом он пару раз тайком дотронулся до его руки, но сделал вид, что не заметил.

Эдрик тоже не чувствовал себя так уж плохо в последнее время. В целом кожа Ровеля была безупречна, как и его рука.

‘…И тепло’

После этого Ровель научил его вещам, которые он смог легко выучить.

Но не было ничего, о чем Эдрик действительно хотел бы знать.

Он сказал Ровелю, который о чем-то усилено думал, о чем хотел узнать больше всего.

□□□□□

‘Эй, ты издеваешься надо мной?’

Мне хотелось схватить Оливера за воротник и выплюнуть ему это в лицо.

Все то время, что я подслушивала в классе, мой гнев возрастал.

Мне казалось, что я смотрю сцену, где ребенку, который еще даже не может ходить, рекомендуют пробежать марафон.

‘Кто сказал, что герцогиня привела его сюда?’

Во-первых, он был здесь не для того, чтобы учить Эдрика.

Он намеревался разочаровать нашего молодого господина.

‘Прежде чем это произойдет, я… Должна ли я остановить его… Наш молодой господин на удивление робок…’

Я прислонилась к стене и потерла волосы на затылке, чтобы проглотить свое разочарование.

Время шло не так уж и плохо.

Вот как я себя чувствую, но молодому господину, должно быть, было намного хуже. Так что я старалась не показывать своего разочарования.

Я улыбнулась, как будто ничего не произошло, подошла к нему и заговорила с ним. Я расслабилась, спрашивая и говоря о вещах, которые он уже знал.

На первый взгляд показалось, что он выучил некоторые правила.

Но он скоро забудет.

Кто что-то запомнит, когда преподает такой учитель? Оливер какое-то время даже не объяснял ничего.

‘Тем не менее, я должна тебе кое-что сказать…’

Если он ничего не знает и завтра пойдет на другой урок, ему будет еще тяжелее.

Я думала о вещах, которые могли бы ему помочь.

‘Обычно при изучении лексики мы начинаем с мамы и папы… Но в данном случае это немного не то. Я лучше расскажу ему о небе, земле, ветре, звездах и так далее. Или про его любимые костыли?…’

Я думала более тщательно, чем обычно, но молодой господин задал вопрос.

«Ровель»

«…Да?»

«Как ты пишешь свое имя?»

Чистое любопытство переполняло глаза, обращенные ко мне.

Я немного смутилась, но не найдется на свете никого, кто не сказал бы ему с таким лицом.

Я поднесла сжатую руку ко рту и, сильно покашляв, быстро написала перьевой ручкой.

«Р, о, в, е, л, ь. Это Ровель»

Он уставился на слова, которые я написала, как будто смотрел на самые важные слова в жизни.

‘Он очень много работает. Надо было написать это немного красивее?’

Я глубоко сожалею об этом, но у него, кажется, есть сильное желание учиться, поэтому он схватил перьевую ручку и начал писать.

Однако он почти разорвал бумагу с той силой, которую приложил.

«Молодой господин, сила в ваших руках. Вам нужно расслабиться и использовать ее. И тогда перо сгибается»

«…Хорошо»

Удивительно, но он ни разу не разозлился и отнесся к этому серьезно.

Написано криво, но проблем с распознаванием не возникло.

Молодой господин смотрел на мое имя, которое он написал, не моргая.

На случай, если он ошибся, он несколько раз просматривал то, что я написала, и то, что написал он.

«…Ровель»

Он даже прочитал вслух. Это потрясающе.

Я не знала, но, когда он притворялся недосягаемым, голос молодого господина был очень красивым.

Посмотрев на него несколько раз, пытаясь запомнить этот момент, я медленно встала.

Он махнул мне рукой, словно спрашивая, куда я иду.

«Я скоро вернусь, поэтому, пожалуйста, подождите немного»

http://tl.rulate.ru/book/67825/2912995